

На правах рукописи

Семенов Гаврил Иннокентьевич

**ПРАВО В ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЯХ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

**22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы**

Автореферат
диссертации на соискание
ученой степени
кандидата социологических наук

Ростов-на-Дону – 2017

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

Научный руководитель доктор социологических наук, доцент
Гуськов Игорь Александрович

Официальные оппоненты: **Нарыков Николай Владимирович,**
доктор философских наук, профессор;
ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», кафедра философии и социологии, профессор

Карягина Анжелика Владимировна,
кандидат социологических наук,
ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики», кафедра уголовного права и процесса, доцент

Ведущая организация **ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»**

Защита состоится «28» июня 2017 г. в 13.00 на заседании Диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, Институт социологии и регионоведения ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке им. Ю.А. Жданова при ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344103, г. Ростов-на-Дону, ул. Р. Зорге, 21 Ж) и на сайте: <https://hub.sfedu.ru/diss/announcement/>

Автореферат разослан «__» мая 2017 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Верещагина
Анна Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В российском обществе растет запрос на консолидирующие ценности. Уже как десятилетие российское общество прошло точку невозврата к советскому прошлому, возникли новые рыночные и политические институты, сложилась социально-дифференцированная структура общества. В общественных настроениях опривычены явления, которые с позиции недавнего прошлого казались невообразимыми.

В то же время в общественной жизни витает дух общественной инерциальности, проявляется безынициативность или инициативность, но только в стремлении устроить свою судьбу, низок уровень социальной самоорганизации. До сих пор в массовом сознании россиян не выработан консенсус относительно того, какими путями должны происходить общественные изменения, наблюдается сдвиг в сторону микроскопизации общественных отношений, возникновения архаичных, догражданских, клановых, племенных идентичностей¹.

Каким бы образом мы ни рассуждали о существовании реальной проблемы этнонациональных отношений, социального одиночества или конфликта интересов, следует ожидать, что ситуация ценностно-нормативной аномии, рост социальной напряженности будут сопровождаться разломами массового сознания, недоверием к деятельности государственных и политических структур, упадком влияния общественных авторитетов².

Размышляя о путях социальной консолидации, можно говорить об определенных плюсах и минусах. К первым относится следующее: четко фиксируется интерес общества к новым социальным и правовым регуляторам, осознается значимость индивидуальных прав и свобод, переопределяется отношение к государству как гаранту инте-

¹ Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта : монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. М., 2016. 422 с.

² Волков Ю. Г. Социологический диагноз как аналитический конструкт // Социологические исследования. 2015. № 3 (371). С. 3–11.

ресов всех граждан. На этом фоне минусами выступают непреодоленное стремление видеть в государстве только инструмент реализации собственных интересов, своеобразный групповой патернализм, зависимость социальных настроений от конъюнктурной оценки и внедрение лозунга стереотипа «от нас ничего не зависит»³.

Динамика общественных настроений показывает, что правовые реформы утвердили приоритет закона, что право является базисным институтом в построении новой социальной конфигурации. Одновременно нельзя пройти мимо того факта, что существует противоположная тенденция нарастания правового нигилизма, правовой апатии, эффект маргинализации права. На самом деле механизм не востребоваемости правовых норм весьма прост: прежде всего, право не находится в такой зависимости от социального порядка, каким можно считать возведенную в роль закона волю правящего класса. Во-вторых, некритическое следование неправовой традиции в России как характеризующей российскую ментальность содействует тому, что в обществе укрепляется следующая позиция: право только скрывает неправовые формы, правовым регуляторам придаются преимущественно репрессивные функции, функция устрашения или распределения⁴.

Сегодня российское общество испытывает дефицит идентификационного выбора. Казалось бы, существует многообразный спектр идентификационных предпочтений россиян, что дает основания говорить об отсутствии доминантной идентификационной матрицы⁵. С другой стороны, нереализованным является вопрос о формировании общероссийской гражданской (политической) иден-

³ Лубский А. В. Цивилизационный дискурс в условиях глокализации // *Философия права*. 2016. № 2 (75). С. 65–69.

⁴ Волков Ю. Г., Вялых Н. А., Дегтярев А. К., Лубский А. В., Посухова О. Ю., Сериков А. В., Чернобровкин И. П. Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой. Ростов н/Д., 2015. 320 с.

⁵ Емельяненко В. Собственная гордость [Электронный ресурс] // *Российская газета*. 2017. № 7321 (65). 28 марта. URL: <https://rg.ru/2017/03/28/sociolog-o-tom-nuzhen-li-v-rossii-zakon-o-rossijskoj-nacii.html>.

тичности – идентичности, которая подразумевает весь многонациональный российский народ и не связана с социально-имущественными и социально-территориальными разделениями.

Провозглашенный лозунг на формирование российской идентичности «тормозится» не только существованием конкуренции догражданских локальных идентичностей, но и тем, что идентичность не формируется на правовой основе, связана с государством, но не с правовыми формами. Это выражается в том, что идентификационные стратегии и выбор россиян находятся под сильным влиянием социально-имущественных, земляческих, региональных условий, закрепляются в самопричислении к микро- и макрообщностям вне правового контекста⁶.

В реальных настроениях доминирует привязка к узнаваемым идентичностям, а формирующиеся макроидентичности (кавказская или русская) содержат отрицание права, вовлекают в процесс правового нигилизма и формализованного отношения к правовым нормам. Несмотря на обилие вариантов объяснения сложившейся ситуации, право не стало условием и выражением гражданско-политического участия. Идентификационный выбор как антитеза государству порождает социальный и политический анархизм. Этатизм сужает возможности гражданского самоопределения, переносит их в сферу социальных микроотношений.

Важной независимой от культурного и институционального контекстов чертой идентификационного выбора является то, что инициативы населения не являются частью институционально-правовых изменений. В общественных настроениях апробируются неправовые, иллегальные нормы и правила, которые в дальнейшем, если оказываются целесообразными, закрепляются на уровне массовых социальных практик⁷.

⁶ Лошкарева-Имгрунт С. И. Гражданская идентичность в условиях сословно-корпоративной социальной системы в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 16–20.

⁷ Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе : монография / отв. ред. А. В. Лубский. Ростов н/Д., 2016. 392 с.

Помимо названных черт, следует отметить, что особенности идентификационного выбора определяются доминированием неправовой апатии: включая позитивное отношение к правовым нормам на уровне индивидуальных прав и интересов или коллективных схем действия, различные группы не принимают право как базовое условие формирования идентификационных стратегий, не вкладывают в право смысл «оборонительной» или «наступательной» идентичности.

Право не является мостиком между индивидом и большим обществом, способствует часто разъединению, используется только для разрешения конфликтов и очень редко – как институт социальной кооперации. В ходе социальной деятельности вырабатываются различные социальные практики. Важно, что правовые нормы, соотносимые с осознанием принадлежности к определенной группе людей и с собственным социальным самоопределением, не влекут за собой последствия в виде оценки права как основного условия формирования идентификационных стратегий.

Еще на один социальный аргумент хотелось бы обратить внимание: для большинства крупных групп, как пишет А. Кирдина, могут возникать отрицательные социальные идентичности⁸. В этом смысле общественное сознание может проникаться позитивными оценками, если право рассматривается не в качестве способа преодоления культурной неполноценности (по сравнению с Европой), а как снятие социальной конкурентности и формирование группы большинства – референтной группы.

В этом направлении право как социальный институт и социальная ценность нуждается в самостоятельном социологическом исследовании, что определяется теоретическим осмыслением воздействия права как условия формирования идентификационных стратегий и влияния права на перспективы референтной идентичности в российском обществе.

⁸ Новые идеи в социологии. М., 2013. С. 108.

Степень научной разработанности темы исследования. Институт права закрепляется в социологической мысли в качестве показателя перехода от традиционного к современному обществу. Имеется в виду, что на формирование взглядов на институт права большое влияние оказала теория естественного права, построенная на аналогии между обществом и организмом как высокоорганизованной системой механизмов и функций. Следуя этому положению, институт права рассматривается в качестве инструмента формирования организованного социального порядка.

В воззрениях Э. Дюркгейма, М. Вебера⁹ принудительный характер права, обеспеченность его влияния особым авторитетом и «законный» характер применения правовых санкций свидетельствуют о том, что право является более сильным состоянием коллективного сознания, чем построенное на обычае, традиции или социальной профильности. Подобная позиция приводит к тому, что возникшая органическая солидарность, в основе которой лежит разделение труда, делает востребованными правовые регуляторы, так как они обеспечивают необходимые договорные отношения и формируют целерациональное поведение личности.

Характерно, что М. Вебер, признавая роль бесконечно рациональных оснований поведения, выделяя их в самостоятельный тип, видел в праве в большей степени не ценность, а инструмент рационализации общественных отношений. Для него институт права выступал условием и средой функционирования высокоэффективных социальных и политических институтов. Право выступало способом закрепления индивида в обществе по критерию целей или функциональности и являлось моментом отрицания общностей, построенных на иных, неправовых регуляторах, связанных в той или иной степени с патриархальным или ценностным выбором.

Эту идею продолжает и закрепляет в своих работах Т. Парсонс, для которого особый интерес представляет эффективность

⁹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1997. С. 12–40, 110–126; Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 300–326.

правовых систем, которые, хотя и зависят от получаемой моральной поддержки¹⁰, являются легитимизацией нормативной системы. Одним из важных аспектов выступает контрольный характер права, последствием которого является минимум расхождений между системой нормативных ожиданий общества и фактическим поведением людей. Право, таким образом, обладает ясностью, последовательностью, корректирует ценности, применяя аргумент силы.

Для понимания идентификационного выбора важными являются переживания обязывающе-представительного характера права, благодаря правовым нормам реализуются социальные взаимные ожидания. В отличие от «неправового» социально-интуитивного состояния правовые нормы способствуют пониманию границ взаимных уступок и требований. С правом связывается возникновение формализованных, социально-эффективных общностей, исключая рациональную неправовую мотивацию.

Р. Мертон, отмечая возникновение в обществе эффекта аномии, расхождения между официально задаваемыми целями и культурными паттернами, имеющимися средствами реализации¹¹, указал, что аномия порождает отрицание права и возникновение неправовых (кланово-солидарных) форм идентичности.

Таким образом, рассматривая воздействие права, исследователи, независимо от того, находились ли они на позиции понимающей социологии М. Вебера или придерживались структурно-институциональных императивов исследования, видят в праве совокупность норм и правил, закрепляющих за индивидом принадлежность к определенным социальным общностям на основании использования принудительного и долженствующего ресурсов права.

Право выступает обязательным условием идентификационного выбора в том смысле, что принуждает действовать на уровне легитимизируемых в обществе норм и правил. «Девиантный» идентификационный выбор определяется правовым нигилизмом, негатив-

¹⁰ Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 367.

¹¹ Мертон Р. Американская социологическая мысль. Тексты. М., 1996. С. 409–414.

ными коннотациями и оценками в отношении права и является средой формирования догражданских, неправовых идентичностей в локальных или родоплеменных рамках.

В постклассической социологии воздействие права на идентификационный выбор личности перемещается в сферу субъектно-мотивационных установок. Как пишет П. Бурдьё, восприятие социального мира, видимость собственной позиции в этом мире, своей социальной идентичности является продуктом двойного социального структурирования¹². С одной стороны, идентичность структурирована социально, связана с различиями культурного и социального капитала; с субъективной стороны – восприятие социального мира структурируется тем, что система восприятия и оценивания представлена определенным символическим языком.

Право в этом смысле базируется на введении связей между субъективным и объективным как возможности транслировать, навязывать обществу собственное видение и выражать идентификационный выбор путем борьбы за укрепление позиций или включение в господствующую группу.

Таким образом, концепция Бурдьё нацеливает на выявление роли права как формирования позиции разрешенного и неразрешенного, соотносимого и со структурированием социальных позиций, легитимацией социальных различий, и с выбором схем восприятия, видением идентичности.

В работах Э. Гидденса¹³ институт права включается в систему структуриации. Право, выступая объективным условием, изменяется под влиянием требований и интересов людей, как схема практического действия. В отношении к праву существуют два уровня: преднамеренный и непреднамеренный. Преднамеренность заключается в том, что под воздействием права предлагается выбор легитимных, дозволенных идентичностей. Непреднамеренным является то, что индивиды могут трактовать влияние на право в свою пользу,

¹² Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 63.

¹³ Гидденс Э. Устройство общества. М., 2003. С. 342–346.

что правовые нормы не исключают возможность возникновения непреднамеренных, неожиданных последствий, того, что называется пермиссивизацией, расширением дозволительного толкования права, раздвижением границ разрешенного.

Под влиянием теории поздней современности Э. Гидденса социологическая мысль акцентирует внимание на концепции высвобождения, на том, что для права это является следствием абстрактивизации, возможности заключить отношения между людьми, находящимися в состоянии социального и пространственно-временного дистанцирования. Во-вторых, право все больше становится привилегией экспертных сообществ, профессионалов-юристов и в силу этого теряет демократический и объединяющий смысл.

На этом основании конфликтологическая концепция права утверждает, что идентичности могут строиться только как борьба за социальные и гражданские права, что право подчинено логике инструментальности, и, как подчеркивает Р. Дарендорф¹⁴, центральное значение в идентификационном выборе занимает трансформация права. Не затрагивая инструментальные и экзистенциальные вопросы, индивид вступает в мир правовой неопределенности, того, что У. Бек¹⁵ называет процессом индивидуализации права и формированием субправ, прав, свойственных отдельным группам для обеспечения автономно-привилегированного существования.

Эта идея развивается З. Бауманом¹⁶, который в концепции индивидуализированного общества рассматривает правовые нормы с позиции утраты человеком контроля над большинством значимых социальных процессов и прогрессирующей незащищенности личности перед лицом неконтролируемых им перемен. Право, таким образом, становится жертвой дезинтегрированности и микроскопизации социальных отношений. С другой стороны, утрата веры в коллективные солидарные действия делает возможным становле-

¹⁴ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерки политики свободы. М., 2002. С. 237–243.

¹⁵ Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М., 2000. С. 294–299.

¹⁶ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 176–193.

ние разумного и особенного видения идентификационного выбора как способности расширить возможности контролировать собственную судьбу, основываясь на концепции права.

Таким образом, влияние права выражается в том, чтобы воспроизводить мобильность и подвижность человека, вступающего в свои права. «Смиряться» с неопределенностью, индивид рассматривает логику должного в том, чтобы переопределять сферу социального партнерства и взаимодействия путем облегчения приспособления людей друг к другу путем поощрения компромиссного значения права.

П. Штомпка¹⁷ исходит из того, что правовые нормы закрепляют социальное доверие – доверие как капитал в условиях социальной неопределенности. С правом связывается институциональный уровень доверия: правовые нормы если и не снижают уровень социальной неопределенности, то с ними связывается возможность ограничить себя от рисков недоверия, вступить в социальные действия, имея зыбкие рамочные условия. Важно, что право не дает возможности обществу впасть в стихию «губительных» идентичностей. И в этом заключается его значение.

Для российской социологической мысли, исследующей право в контексте социальных трансформаций, понимание права оценивается с трех основных позиций. Первая позиция, представленная В. А. Ядовым и Е. Н. Даниловой¹⁸, подчеркивает, что право является ориентиром для избрания современной гражданской идентичности, учитывает сжатый по времени характер социальных изменений и ограниченные возможности адаптации к социальным переменам.

Вторая позиция, поддерживаемая М. К. Горшковым¹⁹, Н. Е. Тихоновой²⁰, выходит на осмысление идентичности как пока-

¹⁷ Штомпка П. Социология. М., 2007. С. 306–317.

¹⁸ Ядов В. А. А все же умом Россию понять можно // Россия – трансформирующееся общество. М., 2001. С. 9–21; Данилова Е. Н. Социальная идентификация в трансформирующемся обществе // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М., 2005. С. 324–364.

¹⁹ Горшков М. К. Российское общество как оно есть. М., 2011. С. 250–281.

²⁰ Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России: динамика и перспективы // Россия реформирующаяся. М., 2012. Вып. 11. С. 62–82.

зателя гражданской зрелости общества, дифференцированности интересов. Выявляя расхождения между логикой должного идентификационного выбора и реальными социальными настроениями, авторы подчеркивают, что воздействие права ограничено, с одной стороны, восприятием неэффективности правовых норм, с другой – тем, что правовые нормы приспособляются под неправовые интересы различных групп. Право, таким образом, формирует желательный идентификационный выбор, который не выступает в чистом виде, содержит правовые и неправовые элементы и усиливается по мере отбраковки, селекции неэффективных неправовых норм.

В исследованиях представителей институционального подхода (И. Е. Дискин²¹, О. И. Шкаратан²²) подчеркивается, что институт права в основном трактуется на уровне функционирования макро-систем и не определяется тем, что правовые нормы обеспечивают посредничество между обществом и экономикой, обществом и государством. Идентификационный выбор определяется непосредственным, не имеющим влияния к государству правоотношением (государственной идентичности) или определяется уровнем присвоения институциональных ресурсов, не производящих правовой статус.

Л. М. Дробижева, Е. М. Арутюнова, Г. И. Макарова полагают²³, что анализ идентичностей в российском обществе требует классификации идентичностей на основе различения вертикальных и горизонтальных социальных отношений, что указывает на включение права в анализ становления и формирования идентификационных стратегий.

Этот исследовательский запрос усиливается аргументацией И. Г. Яковенко, А. Г. Левинсона²⁴, для которых правовые контра-

²¹ Дискин И. Россия, которая возможна. М., 2011. С. 76–116.

²² Шкаратан О. И. Социология неравенства: теория и реальность. М., 2012. С. 323–330.

²³ Гражданская, этническая, региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М., 2013. С. 34–39.

²⁴ Пути России: существующие ограничения и возможные варианты. М., 2004. С. 168–178, 206–217.

стируют с неправовой традицией в российском обществе, с низким уровнем доверия к институту права, с неэффективностью правовой системы. Влияние права на идентификационный выбор возрастает по мере освобождения общества от неправовых стереотипов и восприятия правовых норм в качестве легитимации различий между групповыми и индивидуальными интересами и представлением права как возможности согласования интересов.

Таким образом, сформировавшиеся подходы к оценке права содержат значительный уровень рефлексивности и результируются в понимании влияния права на изменения в массовом сознании россиян, и в то же время недостаточно исследованы три составляющие влияния права: во-первых, значение права как референтного образца, как культурно-поведенческого паттерна; во-вторых, определение влияния права в конфликте и взаимодействии различных идентификационных стратегий; в-третьих, в том, в какой степени правовые регуляторы актуализируют запрос на гражданскую идентичность, повышающую уровень социальной самоорганизации общества и степень гражданского участия населения.

Таким образом, можно сказать, что такие обстоятельства указывают на определенные лакуны в исследовании влияния права на формирование российской идентичности и делают актуальной заявленную тему исследования.

Целью исследования выступает рассмотрение права как определенной диспозиции формирования, реализации идентификационных стратегий различных слоев российского населения.

Реализуемая цель влечет за собой постановку следующих **исследовательских задач**:

1) определить основные теоретико-методологические подходы и ориентиры в анализе воздействия права на идентификационные стратегии в современном обществе;

2) проследить воздействие права и сложившейся правовой ситуации в российском обществе на формирование идентификационных матриц российского населения;

3) выявить степень включения ресурсов права в институционализацию идентификационных стратегий населения;

4) определить типологию идентификационных стратегий в зависимости от уровня восприятия права различными слоями россиян;

5) показать значение права в субъективно-мотивационных установках на принятие и реализацию идентификационных стратегий;

6) выявить основные тенденции развития идентификационных стратегий в контексте преодоления правового нигилизма в российском обществе.

Объектом диссертационного исследования выступает право как система социальных норм и правил, определяющих социальные отношения в российском обществе на институциональном и субъектно-деятельностном уровнях.

Предметом диссертационного исследования являются идентификационные стратегии россиян как поведенческие модели, связанные с принятием определенной идентификационной матрицы.

Гипотеза исследования заключается в том, что право в российском обществе, концентрируясь на отношениях государства и личности, воздействует на формирование абстрактно-символических макроидентичностей со слабой степенью внутренней интегрированности. Так как правовые нормы воспринимаются в качестве инструментальной ценности, связанной с принудительной, репрессивной и упорядочивающей функциями права, на уровне социальных микроидентичностей как сферы свободного выбора право интегрировано в идентификационные стратегии только по маркеру различения своих и чужих. В условиях запроса на формирование правового государства и защищенность прав и свобод граждан право обнаруживает качество посредничества между макро- и микроидентичностями, связанное с формированием через принятие норм права рамочного консенсуса относительно «идеального» государства и социально-правовой автономности граждан.

Теоретико-методологической основой исследования явились положения об организующем воздействии права Э. Дюркгей-

ма, воздействию права как способа социальной номинации П. Бурдье, рефлексивном и неотрефлексированном понимании права Э. Гидденса.

Автор диссертационного исследования определяет собственную исследовательскую позицию в контексте утверждаемых российскими исследователями мыслей о диффузности идентификационных стратегий в российском обществе Е. Н. Даниловой, правовом варианте идентификационных стратегий М. К. Горшкова, которые доказывают значимость института права в развитии идентификационных стратегий россиян и имманентность права для становления современных гражданских идентичностей.

Эмпирической базой исследования являются данные социологических исследований, представленные в аналитических отчетах ИС РАН и научных работах его сотрудников (Готово ли российское общество к модернизации? М., 2011; Российская молодежь: социологический портрет. М., 2011; О чем мечтают россияне? М., 2012; Бедность и неравенства в современной России. М., 2013; Горшков М. К. Национальная и гражданская идентичность в контексте глобальных процессов. Ростов н/Д., 2014; Гражданская, этническая, региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М., 2013); публикациях сотрудников ИСПИ РАН (Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М., 2014), ЮРФИС РАН (Молодежь Ростовской области. 2012; Население Ростовской области: перспективы модернизации. 2013; Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю. Г. Волков. М., 2016; Бедрик А. В., Сериков А. В. Риски реализации государственной миграционной политики России на современном этапе // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2016. № 4).

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- существующие теоретико-методологические подходы к исследованию влияния института права на идентификационные стратегии рассмотрены в контексте возрастания социальной неопределенности и фрагментированности социальных отношений в современном обществе;

- показано, что влияние права на идентификационные стратегии различных групп российского населения связано не только с социальным расслоением и развитием российского общества, но и схемами восприятия, оценки права как личностного и группового ресурса в реализации социальных интересов;

- аргументирован принцип институционализации идентификационных стратегий развитием легитимных социальных практик, переводящих правовые нормы в нормы социального действия и взаимодействия;

- установлен характер связей между идентификационным выбором различных групп российского населения и степенью наличия и оценки правовых ресурсов;

- обосновано, что в субъективно-мотивационных установках право воспринимается как инструментальная ценность, что значительно сужает переход к нормативной российской идентичности;

- определены тенденции развития идентификационных стратегий в условиях преодоления неправового нигилизма и строительства правового общества и правового государства с учетом представлений россиян об особом пути развития России.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Право как фактор идентификационных стратегий определяется в теоретико-методологических подходах в соотношении с исходными теоретико-методологическими принципами. Структурно-функциональный подход описывает влияние права в контексте теории социальных факторов, т. е. право фиксирует социально-статусные позиции личности, закрепляя их на уровне формального правового равенства, и нейтральности по отношению к идентификационному выбору, устанавливая зависимости нацеленности на различные формы идентичности на основе наличия правовых ресурсов. Институциональный подход характеризует право в контексте институционализации нормативизации идентичностей, определения легитимных и нелегитимных идентификационных стратегий. В субъектно-деятельностном измерении право рассматривается как включение у личности ресурса права как системы правовых норм в идентификационные стратегии по критерию активности. В целом можно констатировать, что в подходе к оценке права в формировании идентификационных стратегий доминирует модель переопределения идентичностей, что ослабляет нормативное влияние права и усиливает ее пермиссивный акцент.

2. В российском обществе в контексте дискретности идентификационных матриц, разрушения иерархии идентификационных моделей правовые нормы воспринимаются в качестве инструмента «упорядочивания» идентификационных стратегий, и с вовлечением права связывается формирование новых достижительных, не связанных с формальной принадлежностью к государству критериев. Особенность влияния права состоит в том, что, являясь моделью нормативизации идентификационных стратегий, право маргинально как способ утверждения личностно ориентированного выбора, что подтверждается доминированием микроидентичностей как неправовых и соотносением правовых норм с формальной, отождествленной с принадлежностью к государству или другим социальным

макрообщностям идентичностью, не включающим влияние идентичности на иерархию жизненных приоритетов.

3. В институциональном измерении правовые нормы согласуются с идентификационными стратегиями как форма гражданского, личностного самоопределения. Утраченный статус коллективных прав влечет за собой формирование догражданских неправовых идентичностей в качестве альтернативных и фиксирующих определенный уровень самостоятельности и свободы в идентификационных стратегиях. Право не способствует преодолению идентификационной «растерянности» и не является отождествлением, равным по правовому статусу. Поэтому реальное влияние права выражается включением его в социально-групповые идентичности как связующего звена между микро- и макроидентичностями.

4. Исходя из отношения к праву как социальному ресурсу, можно говорить о четырех основных идентификационных стратегиях в российском обществе. Стратегия гражданской идентичности, связанная с включением права как ресурса личных прав и свобод, заключена в рамки и воспроизводится на уровне успешно адаптированных модернизированных групп общества, рассматривающих право как инструмент обоснования групповых идентификационных стратегий и формирования модели взаимной ответственности с государством. Стратегия правового идентификационного патернализма ориентирована на включение права как показателя лояльности государству и ожидания соответствующих преференций и льгот в контексте социальной опеки государства и фиксации зависимости социального самочувствия от оценки государством уровня правовой лояльности. Стратегия идентификационной растерянности, неопределенности связывается с включением нестабильных социальных микроидентичностей, означающих отождествление с кругом близких или коллективом и ситуативное видение права в качестве условия поддержания независимости микроидентичностей и ритуального (формального) отношения к социальным макроидентичностям. Стратегия идентификационного отрицания характеризуется

как способ ухода от идентификационного выбора на основе маргинализации правовых норм, выстраивания параллельной социальной карьеры, и деидентификация по отношению к макрообщностям формирует принадлежность к различным догражданским структурам (родоплеменным, клановым). Таким образом, можно говорить, что влияние правового ресурса на принятие / отклонение идентификационных стратегий связывается с восприятием ресурсов права через сформировавшиеся идентификационные модели.

5. Право вытесняется в субъектно-мотивационных основаниях идентификационного выбора осознанием иных, неправовых социальных и культурных различий. Доминирование этнокультурной идентичности над правовой свидетельствует о том, что этничность как модель самоопределения базируется на отрицании формально-уравнительного воздействия права и содержит возможности использования неформальных социальных ресурсов. В то же время право в качестве идентификационной доминанты становится дифференцирующим фактором по отношению к включению права в качестве инструментальной ценности в формирование правовых идентификационных стратегий и антиценности в качестве критерия включения догражданских доправовых идентификационных влияний.

6. В российском обществе проявляется запрос на формирование консолидированной рамочной идентификационной стратегии, включающей, с одной стороны, принадлежность к социальным микрообщностям, «не отягощенную» избыточными социальными обязательствами по отношению к обществу, с другой – сохранение микроидентичности, обеспечивающей маневренность в реализации жизненных стратегий. Влияние права не распространяется до уровня идентификационной доминанты, но с точки зрения сохранения стабильности и преемственности в обществе становится процедурой согласования идентификационных выборов и признание норм права как регулятора новой идентификационной иерархии, складывающейся в российском обществе.

Научная и практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты и выводы расширяют научное представление о характере и направленности идентификационных стратегий в российском обществе и могут быть использованы для решения теоретических и практических проблем социокультурной модернизации, для разработки социальных программ и программ в сфере молодежной политики.

Материалы исследования могут быть использованы в преподавании социальных дисциплин, в частности, для разработки и чтения курсов «Социология», «Социология права», «Социология молодежи».

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования прошли апробацию на Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Путь в науку» (6 апреля 2017 г.), Международной конференции «Поликультурные регионы: проблемы и возможности гармонизации межэтнических отношений» (9 марта 2017), Всероссийской конференции «Нациестроительство и модели социальной интеграции» (Ростов-на-Дону, 14–15 апреля 2016 г.). Содержание работы отражено в 6 научных публикациях, в том числе в 4 изданиях, которые входят в список ВАК при Минобрнауки РФ, и составляет объем – 4 п.л.

Структура работы. Диссертация включает в себя введение, три главы, состоящие из шести параграфов, заключение и список литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются выбор проблематики диссертационного исследования, ее актуальность, характеризуется степень научной разработанности темы, формулируются цель, задачи, объект и предмет исследования, представлены элементы научной новизны и положения, выносимые на защиту, а также уточняются методология исследования, его теоретическая и практическая значимость.

В главе 1 «Теоретико-методологические основы исследования права в идентификационном контексте» осуществлен анализ основных теоретико-методологических подходов к изучению идентифицирующего воздействия права.

В параграфе 1.1 «Основные параметры идентификационного влияния права в контексте социологической мысли» определено значение права для выявления основных условий и направленностей идентификационных стратегий.

Диссертант исходит из того, что социология как наука возникла под влиянием идеологии социального реформирования, что влекло преемственность с реформистской теорией права, с трактовкой права преимущественно как естественного, связанного с природными правами и свободами человека. Если легистская трактовка права сосредотачивалась на видении права в соотношении с государством, естественно-правовая интерпретация создавала условия для определения права в контексте исследуемых социальных тенденций и фактов.

Подчеркивается, что структурный подход, заявленный Э. Дюркгеймом²⁵ в соответствии с логикой теории социальных фактов, обосновывал право в контексте коллективного сознания. Если общество тождественно коллективному сознанию, обнаруживаются обратные отношения между степенью интеграции права в общественную жизнь и степенью социальной интеграции. Право имеет не меньшее значение для формирования социальной солидарности, так как определяет все социальные отношения. К тому же Дюркгейм не без основания считал, что правовые нормы, обладая определенной материальностью и очевидностью, имеют большее значение для исследования состояния общества, чем личное мнение, спорадическое и стихийное по характеру своей направленности.

Автор диссертации придерживается позиции, что, исходя из идей понимающей социологии М. Вебера, влияние права можно

²⁵ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Западноевропейская социология XIX – начала XX века. Тексты. М., 1996. С. 257.

понять, опираясь на теорию рационализации, что на Вебера сильное впечатление оказало отношение к праву как форме активной рациональности. В классификации типов человеческого поведения, прежде всего целерационального поведения, Вебер говорит о влиянии правовых норм на становление неправовой идентичности, идентичности, которая находит наиболее идеальное воплощение в бюрократии как социально-профессиональной группе, выделяемой критериями рациональности, следования правилам унифицированности действия и анонимности социальных типов.

Веберовская концепция служит достаточным основанием для того, чтобы рассматривать идентичность в качестве ассоциативного сознания. Используемый как модель, идеальный тип является специфической формой выражения права, воспроизводя такое воздействие, как универсальность, принудительность и обезличенность. Исходя из свободы от ценностных суждений, Вебер видит в праве создаваемый тип идентификационного действия, в котором внешне за пределами остаются противоречия идентификационного выбора, но при этом исследователь не может игнорировать обращение к реальным социальным связям²⁶.

Определяется, что структуралистский конструктивизм П. Бурдьё, трактуемый как соединение объективного и субъективного, как встреча габитуса и поля, приводит к анализу идентичности в конструированном смысле: движущей причиной идентификационных стратегий является связь двух состояний социального. На наш взгляд, очевидным является акцент на то, что идентичность есть способ экстерииоризации внутреннего, что на идентичность в большей степени влияют не правовые нормы как таковые, а формы восприятия правовых норм, нормы права, соотносимые со схемами коллективного и индивидуального способа.

Поиск идентичностей, разнообразие идентификационных стратегий разделяют и обособляют людей. Обращение к дограж-

²⁶ Немецкая социология. СПб., 2003. С. 153.

данским, культурно-политическим истокам идентичности, мифологизированности делает только уместным вопрос о незавершенности идентификационного процесса, при этом стремление раствориться в людской массе требует отхода от институционального и структуралистского подходов, но не убеждает в том, что идентификационные стратегии нуждаются исключительно в психологизации.

Делается вывод, что для социологической мысли, во-первых, становится очевидным, что исследование влияния права на идентичность базируется на допущении многомерного анализа, в допущении взаимодополнительности сформировавшихся теоретических подходов.

Во-вторых, если мы поступаем таким образом, описание идентификационных процессов соскальзывает и опускается в разряд психологических коннотаций.

В-третьих, для исследования влияние права на идентичность требуется принимать во внимание значимость эффективных теоретических средств, чтобы избавиться от неуверенности и беспокойства, отличающих концепцию рефлексивной личности.

В параграфе 1.2 «Идентификационные стратегии в российском обществе: специфика социологического исследования» выявлено, что изучение идентификационных стратегий в российском обществе делает необходимым построение критериальной модели, ориентированной на отношение и восприятие россиян права в институциональном и аксиологическом измерениях.

Автор диссертации руководствуется положением, что в исследовании влияния права на идентификационные стратегии в российском обществе следует разделить две проблемы: во-первых, проблему влияния права на общественные настроения и восприятие обществом права; во-вторых, реальное состояние идентификационных стратегий россиян, принимающих часто конфликтный, противоречивый характер. Такая позиция позволяет удержаться от нормативизма, связанного с констатацией отсталости российского общества от гражданских идентичностей и реставрации идентично-

стей догражданских; показать разнонаправленность тенденций влияния права на идентификационные стратегии различных слоев российского общества.

Таким образом, анализ влияния права в российском обществе включает выявление взаимосвязанных позиций по отношению к праву как социальному (личностному и групповому) ресурсу, так и влияние права на субъективное представление о себе, на самоопределение личности. Включенность в правовые процессы различных групп населения выявляется в контексте ценностных суждений россиян, для которых преобладающим является принятие, на первый взгляд, модернистских идей: конкуренции (67 %), равенство возможностей, индивидуальность²⁷.

Для автора диссертации большим объяснительным потенциалом является предположение, что отправным критерием является то, чьими интересами будут руководствоваться россияне, т. е. соотношение идентификационных стратегий с приоритетом интересов, что подтверждается тем, что только 10 % готовы руководствоваться также интересами государства, и 10 % – интересами коллектива, что показывает резкое падение престижа коллективных идентичностей, базирующихся на самоотождествлении с личностью, с обществом и государством.

Полагается, что в сложившихся условиях важно выделить основные и неосновные критерии (показатели) права. Основными, как мы отметили, являются отношение права к интересам, определение отношения интересов граждан к праву, восприятие гражданами права через сформулированную ими систему интересов. Вторым, имеющим околоядерный статус, можно назвать роль права в принятии идентичностей, в том, что может быть описано как идентификационный выбор. Характерно, что разделение российского общества по идентификационному критерию является достаточно расплывчатым, чтобы подтвердить наличие в общественных на-

²⁷ Горшков М.К. Российское общество как оно есть. М., 2011. С. 236.

строениях устойчивых общественных идеалов или мировоззренческих позиций.

Таким образом, можно сказать, что имеющиеся в российском обществе отличия, связанные с фиксацией восприятия права и реальным влиянием на социальные практики и жизненные стратегии россиян, убеждают в том, что в критериальной системе необходимо не руководствоваться схемой правовой индоктринации, или оценки правовой культуры россиян, где мы можем получить predetermined негативный результат, а важными в аналитическом смысле представляются выдвижение, во-первых, критерия восприятия права, оценки и значимости в общественной и личной жизни и выстраиваемый по этой логике критерий эффективности правовых норм для формирования идентификационных матриц²⁸.

Во-вторых, рассматривая специфику функционирования и воздействия права в российском обществе, следует подчеркнуть, что право в условиях социальной и правовой неопределенности смещается на диспозиционный уровень, уровень установок по отношению к формированию идентификационных стратегий.

В главе 2 **«Право как институт социальной идентификации»** рассматривается идентифицирующий потенциал права как базисного социального института.

В параграфе 2.1 **«Границы правовой институционализации идентификационных стратегий в российском обществе»** характеризуются условия влияния права на институционализацию идентификационных стратегий россиян.

Согласно позиции диссертанта, анализ функционирования института права в российском обществе представляется сложным из-за существования нормативного влияния на оценки действующей правовой традиции, которая сравнивается с положением о базисности института права для реформирования общества. С другой стороны – вне опоры на реальные регулятивные ценности институ-

²⁸ Горшков М.К. Самобытность русской социологии в контексте исторического времени // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 23, № 1. С. 13–26.

циональные установления начинают деформироваться, извращаться, создавать предпосылки для оппортунистического поведения²⁹.

Автор диссертации делает предположение, что функциональное влияние права как института ослабевает не только потому, что неэффективно используются правовые нормы или существуют неравенства по отношению к правовым ресурсам, но и потому, что возникающие кризисные явления и вместе с тем сложность формирования правовой культуры и правовой оценки подвигают к принятию неправовых простых решений, к тому, что является испытанным средством, имеющим более ожидаемый результат, чем применение правовых норм.

В российском обществе отмечается, что правовая компетентность не воспринимается как социально престижный маркер и знание права и правовых процедур не является гарантией присвоения ресурса права. Здесь, что представляется обоснованным, является отношение к праву как институту государства, т. е. соотносимость значимости права с представлением о том, в какой степени эффективным и справедливым является государство, с тем, что можно обозначить как идеальную конструкцию государства.

По мнению автора диссертации, в сложившихся условиях важным представляется анализ института права в системе идентификационных предпочтений россиян, у которых он скромно занимает 5–7-е места. Если с ролью церкви более или менее понятно, так как церковь представляется моральным институтом, но по мере этатизации перестает восприниматься таковым и теряет свой моральный авторитет, то по отношению к армии очевидным представляется то, что в российском обществе порядок связывается до сих пор с дисциплиной, с возможностями репрессивного воздействия. Как мы полагаем, проблемы армии часто квалифицируются не в правовом контексте, как следствие недостаточности правового

²⁹ Дискин И. Россия, которая возможна. М., 2011. С. 29.

регулирования и правового нигилизма, а как исчезновение дисциплинирующего духа, традиции.

Делается вывод, что для большинства россиян институт права не может быть идентифицирующим, так как связан с узкопрофессиональной управленческой и правоохранительной деятельностью, в то время как для большинства населения идентификации могут быть социально-эмотивными, связанными с традициями, с коллективным опытом. Таким образом, на оценку идентификационного потенциала института права действует, с одной стороны, такое условие, как неэффективность реализации предъявляемых обществом запросов на функции права, с другой – сама правовая система воспринимается как бюрократическая, анонимная, не связанная с социально-эмотивной привязанностью. При этом не следует преувеличивать влияние указанных тенденций в отдельности.

Таким образом, можно сказать, что, во-первых, отношение к институту права в российском обществе включает в качестве приоритета регулирование отношений между государством и личностью, что значительно снижает солидаризирующий эффект воздействия права на формирование идентичностей.

Во-вторых, с институтом права связывается оценка возможности доступа или присвоения правовых ресурсов, что вызывает эффект подчиненности ресурса права приоритету формирования повышения конкурентности принимаемой идентичности.

В параграфе 2.2 «Право как показатель классификации идентификационных стратегий россиян» обоснована применимость критерия отношения к праву как основы типологии идентификационных стратегий в российском обществе.

Рассматривая идентификационные стратегии как поведенческие модели, ориентированные на принятие конкретных идентификационных моделей различными слоями населения и направленные на реализацию определенных целей на основе социального самоопределения, автор диссертации учитывает три важных момента. Во-первых, принятие идентификационных моделей в российском об-

ществе, как мы выявили ранее, осложнено, на первый взгляд, отсутствием доминантной идентификационной матрицы. При более внимательном рассмотрении обнаруживается, что россияне испытывают неудовлетворенность не столько из-за обилия часто противоречащих друг другу идентификационных моделей, сколько моделей, соответствующих запросу на социальную адаптацию, упорядочивание социальной жизни, на легитимацию сложившихся социальных отношений и стабильность социальных самооценок.

Во-вторых, идентификационные модели в российском обществе, особенно если мы возьмем сферу социальных макроидентичностей, не являются актуализированными, т. е. не воспринимаются как модели, стимулирующие реальные социальные практики. Так, принятие и актуализация этнической идентичности (мы – русские, мы – якуты) не содержат обязательно солидаризирующего или мобилизующего эффекта, притом что 51 % россиян устойчиво обнаруживают ориентацию на этничность³⁰.

В-третьих, это, на наш взгляд, связано с тем обстоятельством, что выстраиваемая система макроидентичностей, хотя и содержит дифференциацию по степени (значительная или незначительная), означает, что население в целом руководствуется макроидентичностями как основаниями для выбора жизненных стратегий. Это подтверждается тем, что в связи с акцентом на ценностях микромира, личном преуспевании и укреплении связей с кругом близких понятие сильной связи с макроидентичностью является условным. Очевидно, что в российском обществе макроидентичности являются официальным дискурсом, часто не соприкасаемым с повседневными жизненными практиками, что модальный россиянин, ощущая себя гражданином России, русским или татаринном, руководствуется повседневными жизненно инструментальными и социально-эмотивными оценками.

³⁰ Гражданская, этническая, региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М., 2013. С. 41.

Поэтому для анализа идентификационных стратегий фиксируется присутствие элементов права в отмеченных выше идентификационных стратегиях. Когда мы говорим о нигилистической идентичности, имеется в виду не буквальное совпадение с тезисом о тотальном правовом нигилизме российского общества – следует подчеркнуть, что в той или иной мере элементы права присутствуют во всех слоях российского общества, так как признание и применение правовых норм учитывают то, что граждане сталкиваются с разными правовыми ситуациями, и нельзя говорить о правовом нигилизме в чистом измерении.

Делается вывод, что, во-первых, в российском обществе в наибольшей степени представлена стратегия правовой неопределенности, что связано со следствиями маргинализации права и растущим запросом на усиление влияния права в отношениях общества и государства.

Во-вторых, влияние права на типологию идентификационных стратегий выражается в тенденции движения к позитивной по отношению к праву стратегии, но присутствие права в иных идентификационных матрицах можно соотнести с тем, каким образом способности права могут закрепить и реализовать индивидуальные и групповые интересы, способствовать разделению, маркеризации с другими, ориентированными на иные ценности.

Глава 3 «Право в системе субъектно-мотивационных оснований идентификационных стратегий в российском обществе» в качестве основной цели определяет изучение права в системе субъектных установок на идентификационный выбор россиян.

Параграф 3.1 «Право: аксиологическое измерение идентификационных стратегий в российском обществе» обосновывает ценность права в контексте социального самоопределения на уровне социальных макро- и микроидентичностей.

Автор диссертации считает, что так как идентификационный выбор россиян ориентирован на сферу индивидуальной и групповой самореализации, влияние права осложняется тем, что наталки-

вается на низкую заинтересованность политикой: скорее не интересуются 41 % россиян³¹. Одновременно именно политическая сфера в наибольшей степени определяет отношение к праву в качестве идентификационного критерия, поскольку воздействие права, как мы заметили, касается сферы взаимоотношений личности и государства. Однако для большинства россиян низкий интерес к политике означает, что влияние права на идентичность автоматически снижается.

Акцентируя внимание на этом моменте, аргументируется, что право как ценность относится к разряду либеральных или модернизационных ценностей. Но, как мы выявили, позитивные идентификационные стратегии имеют явно выраженный патерналистский контекст, что с правом связываются и политическая лояльность как залог реализации социально-опекунских отношений, и ценность сильного государства, и оценка россиянами своего влияния на дела в обществе.

Выявлено, что, предъявляя претензии к идеальному состоянию права, россияне отмечают, что право должно, с одной стороны, способствовать укреплению сильного и эффективного государства, с другой – гарантировать права и свободы граждан. На этом основании можно сказать, что в среднем для россиян (от 55 до 74 %) важным является жить в более справедливом и разумно устроенном обществе³². В этом, казалось бы, залог усиления влияния права на идентификационные стратегии, переноса значения права для реализации национальной мечты на уровне субъективно-мотивационных установок.

Согласно позиции автора, анализ идентификационных предпочтений россиян определяется принятием абстрактно-символического влияния макроидентичностей и реальным, связанным с ощущением внутренней общности принятием социальных микроидентичностей. Этот момент необходимо учитывать, так как

³¹ Интерес к политике / Левада-центр. 2013. 16 дек.

³² О чем мечтают россияне? М., 2012. С. 144.

сама идея о жизни в справедливом обществе как реализуемая разделяется только 10,4 % россиян³³. Можно сделать вывод о разрыве между идеальным и оптимальным, т. е. соотносимым с реальными возможностями состоянием общественной жизни; так же как и с тем, что принятие социальных макроидентичностей является выражением идеального состояния, в то время как социальные микроидентичности соотносятся с реальными возможностями, с социально-практическим чувством.

Подчеркивается, что ценностные установки россиян характеризуются конфликтностью. Обращает на себя внимание тот факт, что при признанности ориентации на хорошее образование, оплачиваемую и престижную работу есть существенные различия в том, что понимать под оправданным или неоправданным в современной жизни. Можно говорить о том, что, не допуская жестокости, неприязни к жизни, измены Родине, отрицательное отношение к этим явлениям демонстрирует подавляющее число россиян³⁴, есть определенное ослабление моральных норм по отношению к тому, что называется сферой личной жизни, интолерантность снижается в среднем до 22–25 %³⁵.

В целом делается вывод, что, во-первых, ценность права как инструментальная ценность, несмотря на ожидаемость высокой степени проявления в модернизаторских слоях населения, является эквивалентной у различных групп россиян, так как формулируется в виде требований по отношению к государству, но не к идентификационным стратегиям населения.

Во-вторых, повышение терминальности права, преимущественно в сфере отношений гражданина и государства, приводит к деинструментализации права на уровне принятия идентификационных стратегий как содержащих тот или иной уровень правовой ответственности.

³³ Там же. С. 141.

³⁴ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010. С. 126.

³⁵ Там же.

В параграфе 3.2 «Тенденции правовой идентификации в российском обществе: перспективы и оценки» осуществлен социально-прогностический анализ, ориентированный на представления о формировании идентификационного репертуара в российском обществе.

По мнению автора диссертации, идентификационные стратегии россиян показывают, что влияние правовых норм смещено на отношения личности и государства. При этом именно от государства ожидают реализации правовых норм с целью удовлетворения интересов различных групп населения или приведения их к гармонии на основе всеобщего блага. Такая позиция затрудняет принятие права на уровне идентификационных стратегий как формы социального самоопределения, принадлежности самопричисления и отношения к другим.

Выявлено, что в условиях, когда правовые нормы перестают быть связующими и обязательными, возрастает правовой негативизм, разделяется сфера неправовой индивидуальной свободы и правового общественного долга. Развитие правовой системы в российском обществе характеризуется вынужденностью укрепления государства в условиях возрастания глобальных и внутренних рисков (этнонациональный и религиозный сепаратизм, дестабилизирующее влияние зарубежных структур). Эта особенность приводит к тому, что система межличностных отношений остается в правовом смысле неурегулированной, господствует принцип социальной справедливости, в той или иной степени означающий отторжение права или сведение права к инструментальной ценности.

Обосновано, что понятие права во многих случаях является инструментом манипуляции массовым сознанием, а их субъект бежит от свободы, дабы не отвечать за обязанность потреблять ее во благо себе, людям или Отечеству³⁶. Следовательно, это бегство от ответственности за правовую свободу, что влечет за собой отказ от правовых идентич-

³⁶ Новые идеи в социологии. М., 2013. С. 129.

ностей. Однако есть предположение, что данное положение только отчасти справедливо. Если речь идет о праве как внутреннем регуляторе мыслей и действий индивида, нужно говорить о возможностях не внешнего контроля, что связывается с принятием абстрактно-символических идентичностей: смысловое значение обретают идентификационные стратегии, претендующие на согласование общественных, групповых и индивидуальных интересов, поддержку взаимной ответственности государства и граждан и принятие идентичности, направленной на движение к социальной стабильности и порядку.

На основании этого делается вывод, что в российском обществе проявляется тенденция к пониманию права как макрорегулятора, но ограничивающим моментом выступает отторжение или неприятие права как микрорегулятора. Нестыкованность социальных макро- и микроидентичностей заключается в том, что институт права фиксируется на уровне государства и не выступает условием институционализации идентификационных стратегий. Эта тенденция сохраняется в общественной жизни и подтверждается попытками избежать правовой ответственности на массовом уровне как ответственности за дела в государстве.

Эта тенденция приводит к тому, что правовые нормы начинают осознаваться как внутренние регуляторы, так как вне правового наполнения идентификационных стратегий можно получить пресловутое конфликтное разнообразие. Неслучайно то, что 43 % россиян не приемлют разнообразие, что связано и с тем, что часто это разнообразие воспринимается как выходящее за нормы допустимого правомерного поведения, что неодобрение разнообразия основывается на тревоге за расширение правового произвола, за либерализацию права по отношению к группам, которые в массовом сознании воспринимаются как маргинальные или имеющие криминальный потенциал.

Констатируется, что, во-первых, тенденция наполнения правом социальных микроидентичностей позволяет говорить о спряжении идентификационных стратегий на уровне социальных микроидентичностей. Во-вторых, социальные макроидентичности те-

ряют формально-ритуальный характер и соотносятся с тем, что можно назвать объединяющей целью.

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются основные выводы, указываются перспективы изучения идентификационной проблематики в контексте правового сознания и правовой культуры в российском обществе.

Публикации в журналах, реферируемых ВАК РФ

1. Семенов, И.Г. Право как классификатор идентификационных стратегий россиян / И.Г. Семенов // Гуманитарий Юга России. – 2017. – № 2. – 0,5 п.л.

2. Семенов, И.Г. Потенциал правовых ресурсов в формировании идентификационных стратегий российского общества / И.Г. Семенов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2017. – № 2. – 0,5 п.л.

3. Семенов, И.Г. Ценностные установки россиян в контексте идентифицирующего влияния права / И.Г. Семенов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 4. – 0,5 п.л.

4. Семенов, И.Г. Идентификационные стратегии в российском обществе: изучение правового влияния / И.Г. Семенов // Общество: социология, педагогика, психология. – 2017. – № 5. – 0,5 п.л.

Другие издания

5. Семенов И.Г. Основные подходы к исследованию идентичности в социологическом знании. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2015. 1 п.л.

6. Семенов И.Г. Тенденции правовой идентификации в российском обществе. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2016. 1 п.л.